

СВОБОДОМЫСЛИЕ И СВОБОДА СОВЕСТИ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ, ПОЛИТИКИ И ПРАВА

«Русский мир»: проблемы православного измерения

Алейникова Светлана Михайловна,

Академия управления при Президенте Республики Беларусь
(г. Минск, Беларусь)

Рассматриваются особенности и проблемы православного измерения «Русского мира» – российского проекта, призванного объединить Россию, Украину и Беларусь в единое цивилизационное пространство.

В самых общих чертах «Русский мир» (далее – РМ) можно определить как российский проект, призванный объединить Россию, Украину и Беларусь в единое цивилизационное пространство. Ключевыми признаками РМ является русский язык и культура, общее историческое прошлое, традиции и ценности. Отличительной особенностью православного измерения РМ является провозглашение определяющей роли не русского языка и культуры, а православия и Русской православной церкви (далее – РПЦ). Православие и РПЦ рассматриваются в качестве ключевых признаков, базовых ценностей, культурно- и государствообразующих факторов становления и развития российской цивилизации, истоки которой отсылают к понятию «Святая Русь».

Согласно данному подходу, РМ – это православная цивилизация, мир самодостаточный и не нуждающийся в особых контактах с другими мирами, религиями и культурами. Сама же РПЦ является «духовным ядром» РМ, выполняя в современном обществе в том числе легитимирующую политическую функцию. Это дает основание говорить о явлении так называемого «политического православия», когда формирование политической позиции осуществляется на основании религиозных социальных доктрин, традиций, стереотипов. Соответственно одним из основных условий реализации РМ становится признание особого статуса православия как идеологии РМ и РПЦ как его институциональной основы. В проблемном плане это позволяет выделить два аспекта: религиозный и политический.

Первый обусловлен тем, что идея РМ, ограничиваясь национальными рамками, ставит под сомнение вселенский характер христианства, вступает тем самым в фундаментальное противоречие с религиозной догматикой, исходящей из презумпции единства человеческого рода, наличия универсального начала [1, с. 163]. Исходя из этой же презумпции РМ, во-первых, является в таком случае не русским, а православным. Во-вторых, РМ не может быть связан с Россией либо любым другим государством, поскольку «православное пространственное измерение мира не материально, а провиденциально и эсхатологично» [2, с. 144]. Следовательно, у РМ не может быть ни территориальных, ни политических границ, так как «границы православного мира идентичны границам Церкви», и, кроме этого, охватывают не территории и страны, а верующих людей. Это дает основание отнести РМ к националистически ориентированным, и потому – к псевдоправославным понятиям [2, с. 149].

Существует, однако, и иной подход к интерпретации «православного мира», согласно которому он рассматривается именно как политическое образование – транснациональная религиозная система – сеть государств, движений, групп и индивидов, строящих свою политику на основе православной идеологии [3, с. 5, 12]. В данном контексте следует также учитывать, что в силу как цивилизационных, так и догматических различий религиозные лидеры и организации ориентированы, как правило, в лучшем случае на диалог, но не на интеграцию с иными конфессиями и аксиологическими системами.

Включенность в границы РМ и Церкви исключительно православного народа становится еще одним дискуссионным аспектом РМ. Дискуссионность заключается в том, что религиозное измерение РМ также предполагает наднациональный характер «русскости» и «русского», при котором данные понятия отождествляются с «православным». Принадлежность к русскому народу определяется уже по принципу биологической идентичности, а отношением к главному идеологически-направляющему фактору – т.е. Русской православной церкви» [4, с. 123].

С одной стороны, в этом проявляется интегрирующий потенциал РМ, призванного объединить под единым началом различные этносы и народы. Однако, с другой стороны, интегрирующая роль «православного» РМ возможна при условии равенства всех этносов и народов, исповедующих православие. В случае же, когда РМ рассматривается как «устойчивый комплекс норм и представлений о русском народе как народа-богоносце» [4, с. 123], неизбежно встает вопрос о ранжировании остальных религий и народов по степени их святости, греховности, богоизбранности и т. п.

В качестве примера можно привести утверждения, что одной из серьезных угроз развитию РМ является тенденция возрождения языческих верований древних славян, а потеря религиозных традиций оценивается как угроза государству. Подобное проявление избирательности в выборе исторических корней может свидетельствовать скорее об инструменталистской, нежели интегрирующей функции православия и РПЦ. На практике такая постановка вопроса чревата проявлением националистических и радикалистских тенденций, уже отмечаемых в последние годы, в частности, в России и Украине. Кроме этого, любая религия претендует на исключительность, приоритет собственных интересов и потому может стать потенциальным конфликтным фактором как в межконфессиональных и межэтнических отношениях, так и в конкуренции с политическими институтами в части распределения полномочий и сфер влияния.

Еще одна проблема религиозного подхода заключается в том, что за оградой Церкви и соответственно РМ остается значительная часть населения, идентифицирующая себя с другими конфессиями либо являющаяся нерелигиозной. Необходимо учитывать тот факт, что в настоящее время большинство населения стран бывшего СССР соотносит себя не столько с религиозной традицией, сколько с социокультурной.

В политико-правовом плане религиозный подход к РМ затрагивает целый пласт проблем иного рода, связанных с позиционированием потенциальных субъектов РМ с нормами и принципами международного права. В первую очередь, это касается проблемы прав человека, универсальный и ценностный характер которых ставятся под сомнение РПЦ в части несоответствия их отдельных норм христианским представлениям о грехе, достоинстве, свободе и т. п. категорий. РПЦ был

опубликован целый ряд программных документов и заявлений, последовательно подвергающих критике негативные, с точки зрения церкви, проявления механизмов реализации прав человека.

К таковым, в частности, относятся «реклама псевдорелигиозных движений» и вообще всех нехристианских конфессий, пропаганда «свободы греха», нравственного релятивизма, игнорирование нравственных основ человеческого существования и др. Подобный подход в какой-то мере всегда является изоляционистским, поскольку исходит не из конвенционального (договорного) а императивного, приказного характера понимания ценностей и вряд ли может выступить значимым, консолидирующим различные социальные группы и общности, основанием.

Военный конфликт в Украине и раскол украинских православных церквей надолго поставил под сомнение идею цивилизационного родства и интегрирующий потенциал РМ. В этой связи необходимо учитывать излишнюю политизацию данного понятия. Насколько идеи РМ окажутся востребованными постсоветским обществом, покажет время.

Литература

1. *Фатющенко, В.И.* Русский мир в контексте мировых цивилизаций: Курс лекций / В.И. Фатющенко. – М.: Гнозис, 2009. – 320 с.
2. *Костюк, К.* «Русский мир»: богословский смысл и политические экспликации / К. Костюк // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. – Серия 1. – 2015. – № 3(59). С. 137–151.
3. *Митрофанова, А.В.* Религиозный фактор в мировой политике (на примере православия): дисс. докт. полит. наук: 23.00.04 / А.В. Митрофанова; дипломатическая академия МИД России. – М., 2005. – 376 с.
4. *Коваленко, В.Д.* «Русский мир» как перспектива для России / В.Д. Коваленко // Наука. Образование. Личность. – 2015. – № 3. – С. 122–126.